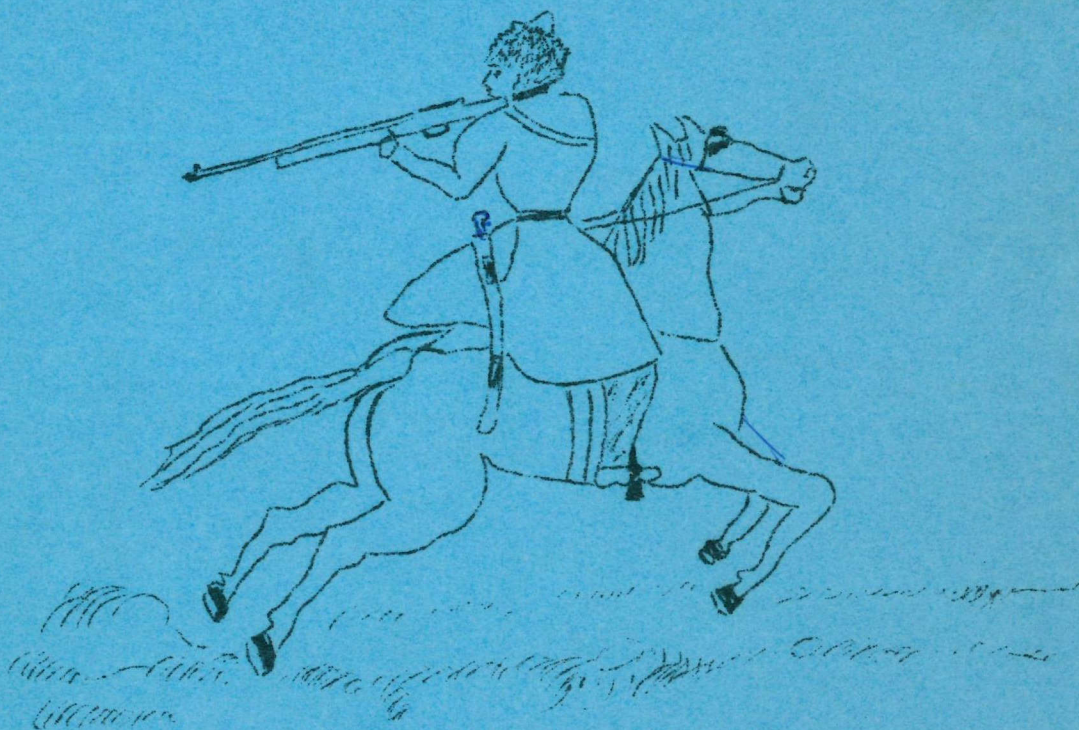

ПОЛКОВНИК ЕЛИСЕЕВ.

С ХОПЕРЦАМИ

ОТ ВОРОНЕЖА И ДО КУБАНИ

1919 - 1920 г.г.

Символический набросок отхода казаков от Воронежа...

Брошюра №

3

Нью-Йорк, 1961 г.

С Х О П Е Р Ц А М И
О Т В О Р О Н Е Ж А И Д О К У Б А Н И

1919 - 1920 гг.

/брошюра № 3-й/.

О Г Л А В Л Е Н И Е:

1. В качестве предисловия,
2. А л л а - в е р д ы
3. Первый бой под Касторной,
4. Недопустимня неточности,
5. Неприятный бой у с.Алисы Курской губернии,
6. Вновь в с.Алисы.Молодецкая конная атака полка,
7. Сдача Касторной красным.Результаты атаки полка....
8. Отход полка.В штабе дивизии.Генерал Губин,
9. 2-й Хоперский полк в арьергарде дивизии,
- 10.Гибель полковника Юрия Ассиера,
- 11.Хоперцы и Сводно-кавалерийский полк князя Гагарина,
- 12.Волчий дивизион и генерал Шкуро,
- 13.Новое молодецкое дело Сводно-Хоперского полка.
- 14.А п о ф е о з
- 15.Кроки двух боев у с.Алиса Курской губернии 27 октября
и 2-го ноября 1919 года.

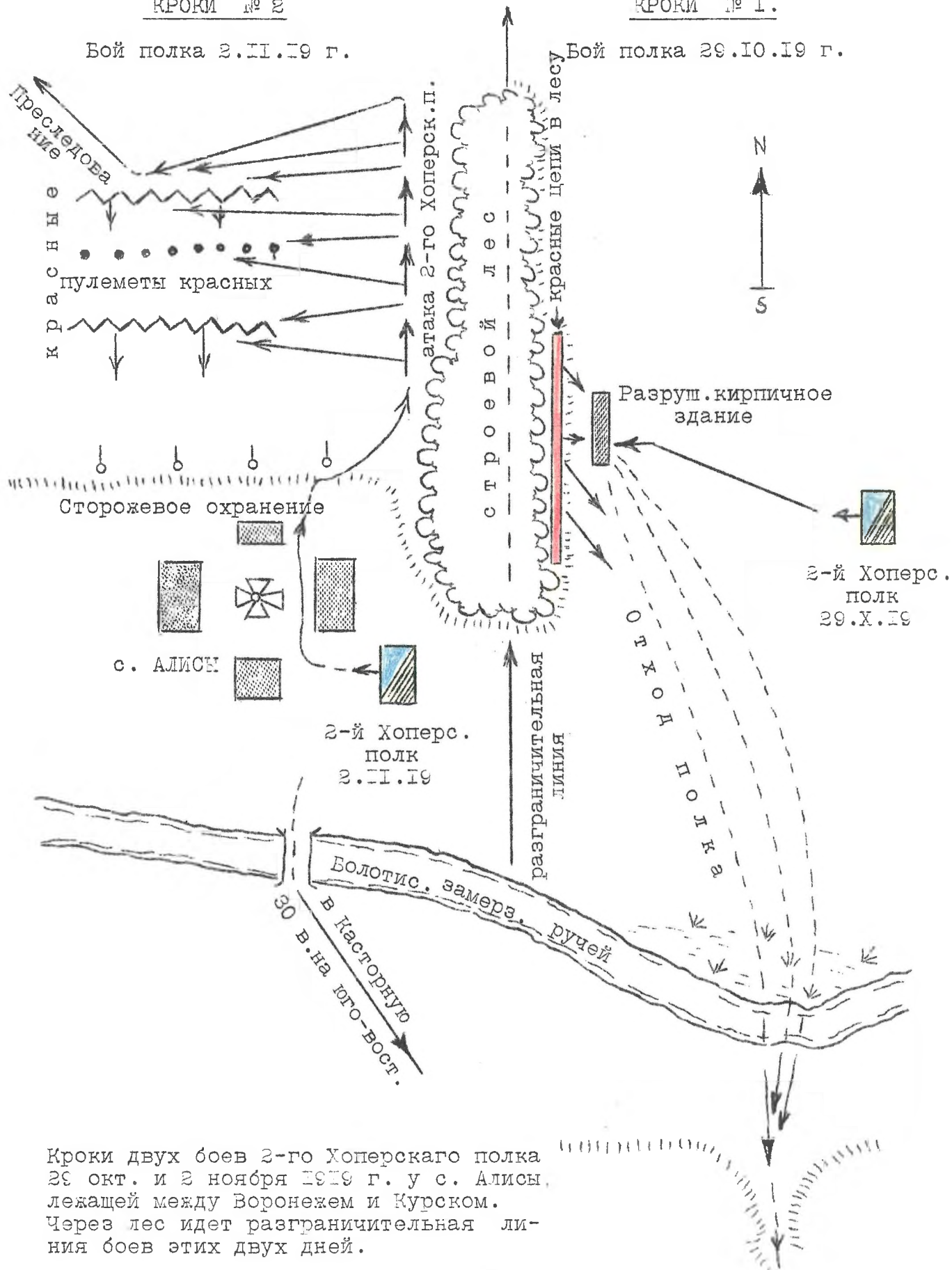
— • —

Цена брошюры - 1 дол.Выписывать по адресу:

Theodore Elyseev, 502 West 177 St., Apt.1 C,
New York 33, N.Y.

Бой полка 2.11.19 г.

Бой полка 29.10.19 г.

Кроки двух боев 2-го Хоперского полка 29 окт. и 2 ноября 1919 г. у с. Алисы, лежащей между Воронежем и Курском. Через лес идет разграничительная линия боев этих двух дней.

С ХОПЕРЦАМИ ОТ ВОРОНЕЖА И ДО КУБАНИ - 1919-20 гг.

/ брошюра № 3-й /.

В КАЧЕСТВЕ ПРЕДИСЛОВИЯ.

"Каждый офицер, вступая в бой - должен быть на самой своей лучшей лошади и в самом лучшем своем костюме... В бой он должен вступать, словно идти на парад, т.к. может быть - это будут его последние минуты в жизни. Поэтому он и должен быть наряден!" - как-то сказал мне генерал Бабиев на Маньче весной 1919 года, узнав, что один из командиров сотен нашего Корниловского конного полка, сам по себе очень храбрый и распорядительный офицер, но он, перед боем, отправлял свою мощную красавицу-кобылицу с английской кровью "в хвост сотни", а сам садился на невзрачного своего второго коня.

Бабиев был прав. Это, многим старым корниловцам, глубоко вошло в душу и многие из нас следовали словам Бабиева. Вот почему я и описал "мундир" генерала Постовского в бою в предыдущей своей брошюре и его мышление по этому вопросу. Кроме того - генерал Постовский вернулся в советскую Россию, что дало мне некоторое моральное право описать его личность.

2-й Хоперский полк, составом своих лошадей, заморенных и полуупряжного сорта, общим своим внешним видом явно уставших казаков в непрерывных походах и боях начинал с Кавказа, через всю Украину, в за-Днепровье и на Воронеж - был далек от внешнего вида полка, даже, 1-й Мировой войны. Полное отсутствие кадровых офицеров, малочисленность настоящих, и ровно на половину состоявших из молодых поручиков и подпоручиков не казаков, поступивших в полк при занятии Воронежа, не имевших абсолютно никакой связи с Кавказеством и с Кубанью, скромными и хорошими людьми по натуре, но казаков не знавших и, как я заметил, боявшиеся отдавать им твердые приказания, даже, в строю - заставили меня принять сразу же определенные меры, что бы переломить и оздоровить настроение всего полка.

В первый же день выезда к полку 18 октября, построенного в сел для похода, плохо выравненного по сотням, без полкового Штандарта и хора трубачей, которые были где-то при обозе 2-го разряда - был дан примерный толчек полку.

Командир фланговой сотни вяло командовал "смирно"/сотни были расброшены по улице/, как и сотня вяло ответила на мое приветствие, т.е. ответила так, как всегда отвечала моему предшественнику, старичку-полковнику из Воронежа, Третьякову.

"Фронт есть святое место", говорит воинский устав, поэтому, встреча всякого начальника должна быть точна и, если не помпезна, воински красива и отчетлива.

Не здороваясь со следующей сотней - я взял командование над этой фланговой сотней, выравнивал ее сам, подбодрил словами, сказав, что бы она так всегда выравнивалась бы и отвечала бы громко на приветствия, и командира сотни и мне - отчего и им будет веселее после подобной короткой воинской

субординации - "встреча начальника". Казаки этой фланговой сотни, на мое вторичное приветствие - весело ответили. Следующия сотни, видя и слыша все это - подтянулись и с ними мне не пришлось репетировать.

Воинский строй, воинская дисциплина - они не терпят имитации и примитивности.

"Тяжело на ученьи - легко будет в походе" - учил Суворов. К этому можно, и необходимо, добавить: - "Плохой строй, малое послушание начальнику на месте - легко может вызвать непослушание начальника в бою".

- * -

Под станицей Убежинской Кубанского Войска, 20 октября 1918 года - Полковник Бабиев, после неудачной атаки на пехоту красных - срывая досаду, вертясь на своем горячем коне меж сотнями - под огнем противника произвел резкие перестроения своему Корниловскому полку ничего не имеющих с перестроениями для боя. Он этим привел в порядок разрозненные после атаки сотни полка, взял поли "в руки" и подбодрил казаков. Такова похвальная психология настоящего воина-командира.

"Мы есть Корниловцы-Бабиевцы!" иногда проносилось горделивая струнка в наших сердцах... Сравнение, конечно, не тождественное, но бодрящее, горделивое и приятное для тех, кто переживал доблестные конные атаки Корниловского полка под неослабеваемой властью и требованиями пылкаго молодецкаго и властнаго полковника Коли Бабиева, ставшаго потом генерал-лейтенантом в свои 34 года от рождения.

А Л Л А - В Е Р Д Ы . . .

Еще до прибытия в Касторную - 2-й Хоперский полк достаточно пополнился конским составом, а именно: - 20 лошадей отбито при обозе у красных хорунжим Борисенко; 25 лошадей из Баталнашинского Отдела, как часть их для всей дивизии и еще получили 15 от штаба дивизии, неразобранных другими полками. И то, что пополнение с Кубани в 40 лошадей были "неуки" горской породы - не смутило: - казаки, по привычке, быстро взяли их "в шоры"...

В Касторную прибыли офицеры: - с Кубани Есаул Краморов и из обоза 2-го разряда хорунжий Дубков, сверстник и однокашник по кадетскому корпусу и военному училищу хорунжаго Галкина, один поручик/фамилию не помню/ и "старый хоперец", очень моложавый, хорошо воспитанный и веселый подпоручик Гарри Тер-Азаянц, армянин из Ставрополя. С ними прибыл и полковой казначей сотник Леон Булавин для выдачи аванса и жалованье всем чинам полка. Все это было и неожиданно и приятно. Случай получился исключительный, что бы на радостях сделать "первую офицерскую вечеринку-ужин с вином" и ближе познакомиться со всеми офицерами полка. К тому же, казначей Булавин привез кое-что из обоза. Общий стол был накрыт в просторной крестьянской хате, не пышно, но всего было достаточно.

Не знаю - собирались ли когда офицеры на общую полковую трапезу с вином?... потому что - когда они вошли числом человек до 15-ти в разнообразных своих военных шубах и шинелях при погонях и увидели "накрытый стол с закусками и напитками" - они удивились...

"ХОПЕРЦЫ - АЛЛА-ВЕРДЫ!" поднявшись со стаканов в руке, произнес я. Все они, сидя на скамьях, недоуменно посмотрели на меня и.... молчат.

"Хоперцы!.... Алла-Верды!" повторяю уже более громко, что бы возбудить их внимание. Они встали, смотрят на меня и... молчат.

"Садитесь, господа".... говорю им уже тихо - "и послушайте меня в частном порядке". Сказал, поставил свой не тронутый бокал и сам сел. Все сели и опять молчат....

Кроме официального положения, что 1-й Хоперский полк являлся самым старейшим полком Кубанского Войска - он имел притягательную к себе силу, как постоянную стоянку в мирное время в Грузии, в самом Кутаисе. Кроме того, живя в своих станицах бок-о-бок с черкесами, с карачаевцами и частью с осетинами своего Отдела - Хоперские казаки воплотили в себе некоторые черты обычаев, удачи и др. качества этих народов. Грузинская песня "Алла-верды, Господь с тобой" и заздравная "Мраволжамиер/много лет/- являлись бытовыми песнями в офицерской среде за столом.

В 1-й Мировой войне 1914-17 гг. входя "четвертым полком" в состав Кавказской кавалерийской дивизии - 1-й Хоперский полк пользовался среди драгун нескрываемой симпатией и любовью к ним. Это мы, 1-й Кавказский полк, хорошо видели в Турции в июле 1915 года, в г. Ване, встречая эту дивизию и углашая сердечно свой старейший полк родного Войска.

И вот, теперь, офицеры такого лихого и молодецкого полка Хоперцев - "этого" ничего не знают.

Сидя, и совершенно в частном порядке, я рассказал им Историю Хоперцев. Они слушают меня молча, но нисколько не смущенно.

Я окончил. Самый смелый из них на слово, хорошо воспитанный, прозванный "наполеон" за его сходство черепом и лицом с Великим Французским Императором, сам коренной хоперец станицы Баталпащинской и сын офицера, командир 4-й сотни хорунжий Галкин Александр - попросил "слова". И он сказал:

"Да откуда же нам все это было знать?!... Мы все - молодежь... Кадровых офицеров среди нас ни одного... И половина присутствующих не только что не казаки родом, а многие поступили в полк в Воронеже, по занятии его. Откуда же все это нам знать?" спрашивает он меня. И, как бы, оправдываясь, закончил:

"Нет-нет, господин Полковник!... мы в этом не виновны". Оправдание было полностью высказано и я их понял.

С этого дня началась дружеская жизнь офицеров полка, с которыми, с боями, и со всеми невзгодами отступающих частей, от Воронежа и до Невинномысской станицы на Кубани - полк совершил тяжкий путь в течении 4-х месяцев, с которыми подружил и с которыми никогда не было никаких неприятностей. К тому же, летами, мы все были почти сверстники. Но их чины /?!/... два сотника, три хорунжих, а остальные поручики и подпоручики... Такова горькая действительность одного из боевых полков доблестной 1-й Кавказской казачьей дивизии корпуса генерала Шкуро, с которым он устремился, как и все дивизии и корпуса - на Москву....

Такой же приблизительно боевой и офицерский состав был и в остальных полках дивизии. 1-м же Кубанским партизанским конным полком командовал стойкий в боях и строгий капитан Химченко, как говорили, уроженец Баталпащинского Отдела, т.е. родственник хоперским казакам.

Есаул Краморов был назначен помощником по хозяйственной части, главным образом "добычей фуража" полку. Бывший подхорунжий 2-го Лабинского полка в 1-ю Мировую войну - он отлично справился со своей задачей, пока не попал в плен к красным в исключительно трагической обстановке. Об этом свое временно будет описано. Полковой казначей сотник Леон Булавин вернулся в обоз 2-го разряда, который находился где-то под Новым Осколом, т.е. выше чем за 50 верст от своего полка.

Начались бои, отступление. С нашей питательной базой, полковым обозом, связь была полностью утеряна, как и во всех частях дивизии. И только через два с лишним месяца - мы настигли его под Ростовом.

ПЕРВЫЙ БОЙ ПОД КАСТОРНОЙ.

Наш полк был придан к Марковскому пехотному полку, которым командовал молодой красивый капитан-брюнет, не из кадровых офицеров. В полку у них

насчитывалось до 1.000 штыков, достаточно артиллерии и пулеметов. К Касторной подошел жел-дор. состав, на котором находилось два танка. Ночью они будут выгружены и с рассветом части перейдут в наступление на село, кажется, Успенское, находящееся к северу от Касторной верстах в 10-ти.

К рассвету 2-й Хоперский полк прибыл. Представился капитану в его полковой канцелярии, но у них еще не разработан план наступления. В канцелярии человек пять офицеров, все молодежь, все отчетливы и вежливы. Несколько писарей и 3 или 4 пишущия машинки. Я позавидовал их полковой налаженности. У нас в полку, канцелярии, в прямом смысле этого понимания - нет. Приказы по полку пишутся от руки. И полковой адъютант временный. Сотник Царев, накануне моего приезда в полк, выехал в обоз "подтянуть канцелярию" там не задержался, выехал на Кубань и я его больше никогда не видел. Он не казак, но уроженец одной из хоперских станиц; по отзывам офицеров, отличный воин, душой казак, много пережил после возстания и они были удивлены, что он не вернулся в полк.

На улице холодно. Метет мелкий колкий снег. Роты выстроены тут же и ждут приказа. Наш полк так же, но приказа еще нет. Мы с удовольствием рассматриваем два танка, коих видим впервые в своей жизни. Они дают полную уверенность нам в победе.

Солдаты стоят вольно, зябнут, переговариваются между собой... они мобилизованы; жалуются на плохую обувь и на то, что их рано подняли и теперь вот зря стоим. Я и сам возмущаюсь, что мы зря стоим. Вхожу в канцелярию и довольно резко говорю капитану об этом, что наш полк казаков и их лошади "зря зябнут". Капитан милый человек, он просит еще подождать... Мы ждали и двинулись в наступление когда настало утро.

Впереди шли два танка. За ними - две цепи пехоты. Наш полк на левом/западном/ фланге. По затверделому снегу, танки шли, думаю, верст 10 в час. Пехота быстро отстала.

Мы были впервые с танками в бою. Издали, и с фланга, было хорошо видно, как каких-то две темных стальных черепахи, уверенно ползли вперед. Потом они скрылись из наших наблюдений... потом вновь показались. Оказывается, они проходили овраг-долину и неожиданно появившись перед красными - открыли по ним огонь. Наметом и в разные стороны - красная конница бросилась в рассыпную. 2-й Хоперский полк, выбросив одну сотню в лаву, развернутым фронтом бросился в преследование. Танки остановились у реченки, которую "взять", видимо, не смогли. Хоперцы быстро перешли ее вброд и заняли село, успев захватить несколько седел и сум на брошенных, красными, ранеными своих лошадей. То были передовые части 11-й красной кавалерийской дивизии, бригада Колесова. Бригада Колесова числилась "отдельной".

В селе, на улицах, много зерна и сена на дороге. Спрашиваю крестьян - "что это?" Отвечают: - "так красные кормили своих лошадей наспех". Все брали у крестьян бесплатно и под угрозой.

"Мы - народная армия. Мы защищаем права народа. Нашим лошадям нужен фураж. Давайте его нам немедленно же!... А нет! - сами возьмем. А конда прогоним золотопогонников - всем Вам будет легче жить. А пока - делайте жертву!" - так они говорили крестьянам, а те, ненавидя их, и боясь их - давали все то, что они требовали именем народа.

Должен подчеркнуть, что Воронежские крестьяне были настроены исключительно активно против красных. Как жаль, что эта сила не была использована.

Буденный, в своем описании этого боя, указывает, что у белых было четыре танка и его кавалеристы, вначале признали в них движущиеся телеги с сеном. Когда же эти "телеги" открыли пулеметный огонь по ним - то они в панике бросились в рассыпную. В его описании и в описании А. Егорова, все время чувствуется сгущения красок в пользу красных. Для истории, помещу

как пишет об этом Буденный в своей книге "Пройденный Путь" на стр.300:

"26 октября /по ст.стилю,Ф.Е./,со стороны Касторной,Кожовка и Нижне-девица - противник перешел в наступление силами около 4-х тысяч сабель и до 8-ми полков пехоты,при поддержке 4-х танков и 3-х бронепоездов.На всем фронте корпуса завязался упорный бой,продолжавшийся весь день.

К 9-ти часам утра,в районе 2-й бригады 4-й Кавалерийской дивизии,в село Успенку вошли 4 танка белогвардейцев.Наши бойцы до этого ни разу не видели танков,приняли их в непроглядной пурге за возы с сеном и продолжали спокойно укрываться от непогоды во дворах.Нивстретив никого на улице - танки повернули обратно и без выстрела медленно ушли. Через некоторое время Успенку атаковала гренадерская дивизия.Гренадеры дрались упорно и,используя свое численное превосходство и,также,поддержку танков - потеснили 2-ю бригаду.Но в 17-ти часам,2-я бригада,совместно с 3-й бригадой этой же дивизии - выбила белогвардейцев из Успенки и отбросила их вместе с танками к Касторной"./Буденный,стр.300/.

Нам,без документов,трудно определить точность - "как это было?",но одно точно: - Ни наши 2 танка,ни наша пехота,не вошли в село Успенку.В него вошел только 2-й Хоперский полк,который к вечеру вновь был оттянут в Касторную.

Мелкий,но характерный штрих:

Вернувшись в Касторную - полк расположился по старым квартирам.Дочери нашего хозяина среднего Крестьянского достатака,думая,что мы отступаем - буквально заголосили.

"Да что Вы?" - спрашиваю их.

"А...а...а!... опять придут красные!..што мы будем де-ла-ать?.. Опять будут грабить!"

Я их успокаиваю,что "красные не придут?" Девыцы не верят,несут нашим лошадям спрятанное зерно и завывают: - "Берите лучше Вы-ы... чем им отда-ать!"

Жуткия бывали сцены при отступлении.И их нужно было переносить,бодрить павших духом и,часто, лгать,лгать впротивовес своей души....

НЕДОПУСТИМЫЕ НЕТОЧНОСТИ.

И Буденный,и красный командующий южным фронтом А.Егоров и,даже,генерал Деникин,в своих писаниях,все время говорят "корпус Мамантова и корпус Шкуро",тогда как начиная с 6-го октября,после вызова 1-й Терской казачьей дивизии на юг против Махно - 3-яго Конного корпуса генерала Шкуро уже не существовало.От него осталась только одна 1-я Кавказская казачья дивизия,состоявшая из 4-х Кубанских конных полков и Терской конной 4-х орудийной батареей под командой твердаго в своем слове старого Есаула Соколова.Старого относительно,т.к.все командиры полков этой дивизии были молодые - 1-го Кубанского партизанского капитан Химченко,2-го Кубанского партизанского полковник Михаил Соломахин,1-го Хоперского полковник Юрий Ассиер и 2-го Хоперского полковник Феодор Елисеев.Старшему из нас было 30 лет,а Есаулу Соколову,думаю,под 40.Высокий,етройный,сухощавый;с громким командным голосом,гордый своей батареей - он не молчал и перед начальством.Нам,послушным - он казался тогда "старым".

Впротивовес донесению,даже,генерала Шкуро - эта дивизия тогда,с Волчьим дивизионом,не считая пулеметных команд,имела не менее 1.200 пашек.

Наш 2-й Хоперский полк считался самым малочисленным,но теперь,перед Касторной,он имел около 250-ти пашек.Оба Партизанские же полки и Волчий дивизион,штабом дивизии и генералом Шкуро - считались основой дивизии и пополнение людьми и лошадьми,к ним шли в первую очередь.Из-за этого,

при распределении ремонта лошадей меж полками, еще до Касторной - у меня был неприятный разговор с нач. штаба дивизии, нач. штаба полковником Соколовским, который подчеркнул мне "привилегированность" этих частей, что меня крайне удивило: - тяготы боев несем одинаковые, то - при чем же здесь, и для чего - привилегированность? - ответил я ему.

Шкуро же доносил генералу Деникину, что в дивизии всего лишь 600 шашек и дивизия "безлошадная". Это последнее тоже было не верно. Конский состав был плох, но в конную атаку мы еще ходили.

Силу Мамантовского корпуса генерал Деникин исчислял в 1.800 шашек, ввиду оттяжки некоторых частей этого корпуса на Лискинское направление/см. том 5, стр. 236 в примечании/. Следовательно, вся конная группа Шкуро под Касторной исчислялась в три тысячи сабель.

В самой Касторной находился Марковский пехотный полк и бригада генерала Постовского. Как она называлась - мне неизвестно, но в нее входил Самарский пехотный полк. О гренадерах же - мы не слышали, как пишет Буденный.

Еще более странно звучат строки красного командующего А. Егорова, где он пишет в своей книге "Разгром Деникина в 1919 г." на стр. 188:

"По данным разведывательных сводок, перед фронтом корпуса /Буденного/, действовали 33 конных полков и 21 стрелковых, а всего - 54 полка, которые группировались у Касторной, с основной задачей - во что бы то ни стало, отстоять этот весьма важный узел жел. дор. путей". /Это звучит уже полной фантазией. Ф.Е./

Но наряду с этим - и Буденный и А. Егоров, пишут, что под Касторной, в Конный корпус Буденного вошли - 11-я кавалерийская дивизия и Отдельная конная бригада Колесова. 11-й дивизией командовал какой-то Матузенко.

Надо и еще отметить, что кавалерийские дивизии красных состояли каждая из трех конных бригад, тогда как наши дивизии состояли из двух бригад. Нигде не указано сколько полков составляли бригаду красных - два полка или три? У нас два полка составляли бригаду.

Считая, что конную бригаду составляли два полка, следовательно, дивизия имела шесть полков. Итого, Конный корпус Буденного, имея 4, 6 и 11-ю кав. дивизии и Отдельную кав. бригаду Колесова, был силою 20 конных полков. При корпусе действовали еще две стрелковых дивизии. Сила очень внушительная перед узловым станцией Касторная. А мы что имели?! Лучше умолчим....

У А. Егорова, на схеме № 21-й, на стр. 193, против всей этой массы конницы Буденного и его стрелковых двух дивизий - обозначено со стороны белых:

- а/- 1-я Терская пехотная дивизия,
- б/- 1-я Кавказская дивизия/видимо, наша 1-я Кавк. казачья/,
- в/- 12-я к. д./видимо 12-я Донская казачья/ и
- г/- Волчий дивизион.

Опустим все это для разбора историком и продолжим дальше наш страдальный боевой путь в снежной пурге Воронежско-Курских просторов....

НЕПРИЯТНЫЙ БОЙ У СЕЛА АЛИСЫ.

Штабом Марковского полка разработан план для частичного наступления на село АЛИСЫ, лежащего северо-западнее Касторной верстах в 25-30-ти, видимо, для обеспечения своего левого фланга. В операцию назначен один батальон Марковцев и 2-й Хоперский полк. Марковцы должны атаковать село с юга, а Хоперцы с востока.

Рано утром, в густой туман, полк переправился через мостик болотистой реченки, подступил к селу с востока и был встречен огнем красных. Заняв

какое-то кирпичное одноэтажное разрушенное здание без потолка - полк ждал условленных выстрелов с юга, что бы вместе с Марковцами атаковать село. Густой туман настолько был, что в 10-ти шагах ничего не было видно.

Огонь красных усиливался, но "бил" впустую, т.к. цели им совершенно не было видно, а наше здание находилось внизу. Красные же занимали опушку леса на плоской гории над нами.

По огню можно было заключить, что красные накапливаются против нас, но где он был и где, именно, занимал свою позицию? - из-за тумана ничего не было видно. Казаки, укрывшись кто где мог - почти не отвечали на выстрелы ожидая условленного сигнала Марковцев.

Туман стал рассеиваться, как прискакал казак-хоперец от командира Марковского батальона с письменным уведомлением, которое воспроизвожу почти дословно. Оно было таково:

"Марковцы, по неожиданным обстоятельствам, отступили назад, даже, от своего исходного положения. Наша переправа позади полка уже занята противником. Полку рекомендуется пробиться на север, обогнуть противника по его тылам и выйти к своим частям западной стороной, где эта болотистая речка сходит "на нет".

Все это было более чем неприятно. Операция сорвалась неначавшись. Я не знал положение сторон, т.е. - где свои и где противник? Острые мурашки пробежали по моему телу, т.к. полк был "отрезан".

О том, что бы пробиться на север, потом свернуть на запад, а потом на юг - не могло быть и речи. Что там на севере? ... Какие буераки? ... Какая там сила красных? ... И где наши? Легко это было написать, но выполнить - возможно-ли? пронеслась горестная мысль. И одно я точно знал - надо как можно скорее "смазывать"....

Я считал, что надо вновь отбить свою переправу на востоке у красных и этим спасти положение полка.

Как нарочно - туман почти разом рассеялся и перед нами показалась опушка леса, из которой стрелял противник. Мы были оголены почти полностью.

Казак-гонец, в попытках, наглядно передал моим казакам картину отхода наших войск. Этот слух, как всегда водится в полках, быстро прошел по сотням. И по моей команде "ПО КОНЯМ!" - сотни быстро вскочили в седла и инстинктивно бросились к речке, к тому месту, где казак-гонец, в поводу с конем, прошел по тонкому льду. Остановить и завернуть сотни - было уже невозможно.

Туман еще застилал низины, но 250 с лишним лошадей шарахнулись в эту низину со своими санями, линейками и тачанками - произвели известный шум и красные открыли сильнейший огонь из винтовок и пулеметов "на слух".

Наше отступление спас туман. Порыв пуль был настолько страшен по своей близости, что мне казалось - вот-вот будет убита моя кобылица.

Штаб полка стоял у самого сарая, а сотни стояли внизу и при таком поспешном отступлении - штаб полка оказался позади своих сотен.

Сотни разсыпавшись - у речки спешили. С конями в поводу, карачаясь по скользкому чистому тонкому молодому льду - спешно двигались к противоположному берегу речки. Часть их была уже там и скрылась в узкую балку.

Выпрягши лошадей из пулеметных линеек - казаки ташили руками и линейки и пулеметы в отдельности, боясь провалиться под лед.

Я настиг две пулеметные тачанки, из которых, под огнем красных, казаки не успели выпрячь своих лошадей. Кони замирали и боялись идти на ясный, совершенно безснежный лед, под которым так ясно видны были подводные болотные растения. Казаки взяли их в кнуты. Лошади двинулись, поддерживаемые за поводья пешими казаками - храпели, скользили и так боязливо шли... Молодой лед давал уже ясно свои длинные белые полосы трещин... Потом он как-то глухо треснул и... обе тачанки, с пулеметами и двумя тройками

запряженных лошадей - тихо, но очень страшно начали опускаться куда-то вниз... Вода хлюпнула наверх из под всей этой тяжести... казаки бросили лошадей и отскочили по льду в стороны.

Я стоял еще на берегу противника, держа свою кобылицу в поводу, следя за переправой этих пулеметных тачанок и... по секундам созерцал всю эту жуткую картину гибели, главное, несчастных лошадей, но не гибели пулеметов и тачанок.

Лошади опустились в воду быстро, а тачанки, еще одерживаемые льдом - опускались тихо и дойдя до своих кузовов-лодок - остановились. Впереди же них, барахтались в тине запряженные лошади, погрузившись в ледяную воду с кострецами своих тел. Видны были только их холки и шеи с вытянутыми головами.

На счастье - реченка оказалась не глубокою, но очень илистой. Барахтавшиеся по ее дну лошади - пенили воду густою темно-коричневою водою. О спасении лошадей и тачанок - не было и речи: к ним уже нельзя было подступить.

"Спасайте пулеметы!" кричу я в пространство, и сам, карачась по льду с кобылицею и с малочисленными своими ординарцами - достигаю противоположного берега.

Казаки бросили на тачанки выючки и ездовые, зааркавив пулеметы - сумели спустить их в зады тачанок. Пулеметы были спасены. Весь полк в крутой балке. Злостный холод. Оказались раненые казаки. В лютей снежной мороз оголенные тела раненых... Не знаю - как все это было возможно выдержать человеческому организму?! Перевязывали раненых фельдшера. В полку нет и врача.

Быстро оправив сотни - полк двинулся по оврагу в сторону Касторной. А позади нас, посредине замерзшей речки, стояли недвижимы две тройных упряжки лошадей в двух тачанках... Видны были только головы лошадей. Тачанки опустились так же под своею тяжестью и видны были только верхняя закрайки кузовов для ездовых казаков когда то на них.

Вид всего этого был безконечно тяжелым. Так было жалко несчастных животных, брошенных нами в ледяной зимней воде. И я уже молил Бога, что-бы красные скорее подошли бы к речке и забрали бы их, как свой трофей...

В этой неудачной операции полк потерял до 2-х десятков лошадей и несколько человек раненых казаков. Убитых не было.

Надломленный этой неудачей - полк вернулся в Касторную.

ВНОВЬ В с.АЛИСА. МОЛОДЕЦКАЯ КОННАЯ АТАКА ПОЛКА.

В Касторной сосредоточилась вся наша дивизия. Через сутки новое наступление на север всей дивизии. 2-й Хоперский полк на левом фланге. Ему приказано занять это злосчастное село АЛИСА. К нашему удивлению - оно было оставлено красными и полк занял его без боя.

Крестьяне встретили нас сдержанно, но сочувственно. Первым делом я спросил об участии наших лошадей затонувших в их речке с тачанками? И был счастлив, узнав, что красные извлекли их из воды.

Мы стоим в селе 2-3 дня. Все время идет снег хлопьями. Зима спускалась над центральной Россией в полной своей красоте и силе. Было начало ноября.

В один из дней, вьюга особенно завыла с севера. В сторожевом охранении была вся 3-я сотня со своим командиром сотником Ковалевым. Он казак станицы Бекешевской, бывший урядник Конвоя Его Величества и был отличный боевой офицер, которого казаки любили и верили ему, как своему родному Хоперцу. При нем 2 пулемета. Полк стоит полностью изолированный от своих сил в Касторной, поэтому, полк был всегда на-чеку. За 30 верст помощи ждать не приходится. Вдруг Ковалев доносит, что на село, с севера, движется цепями пехота крас

ных. Время шло к вечеру и это показалось мне невероятным. Но когда я выехал на улицу и приказал трубачу "играть тревогу" - пули уже пролетали над селом. Сомнений не было - красные подошли к селу.

Село лежало в низине. На север от нея - довольно высокое плато. Полк там, у сторожевых застав.

Мятедь, густая мятедь бьет прямо в глаза. Все заволочено в природе падающим визжащим снегом пурги и, впереди, ничего не видно.

Свист пуль над головами усилился. Принять бой в пешем строю - означало бы полное неведение, нудный пассив, явное наше отступление к ночи, ежели красные будут наступать.

По сути дела, по общей обстановке, и по полной нашей изолированности и оторванности от своей дивизии и от Касторной - благоразумнее было бы, просто, оставить село, в котором мы держались на волоске. Но сознание, что заходит ночь, до Касторной не менее 30-ти верст - когда же мы туда дойдем?

Полк имел задание - бесплодно не втягиваться в бой и в случае чего - отойти в Касторную.

Конечно, в высших штабах точнее знали картину всего фронта, почему и дано было полку такое пассивное задание - "лучше отступить, чем драться".

Почему было дано такое задание я узнал об этом в эту же ночь, которая могла быть роковой для полка.

Предстоящий ночной отход полка в Касторную - нас не устраивал. Бездействовать было нельзя и надо было выяснить - кто же впереди нас?

Дав Сотнику Ковалеву 4 пулемета - приказал держать фронтовую позицию и действовать активно по ходу событий. С остальными четырьмя сотнями в полку было только пять сотен - двинулся краем леса на север. Снег по брюхо лошадям. Идем в "один-конь". Впереди 4-я сотня хорунжого Галкина пробивает полку дорогу. С Галкиным условился - если полк перейдет в атаку и во фланг предполагаемому противнику - он, повернув свою сотню налево - атакует одновременно то, что будет перед ним.

Главные силы со мною около ста шашек и 2 пулемета на санках. Вся эта темная масса всадников идущих в один-конь по рыхлому глубокому снегу, - кажется внушительной силой.

Ветер злобно завывал, словно предсказывал кому то, определенно, недоброе и пушистым снегом хлопьями - слепил казакам глаза.

Идя в голове - я видел только хвост сорока-лошадиной сотни Галкина. Что было у фронтовой сотни Ковалева - ничего не было известно и ничего не было видно.

Казачья, в один-конь, шла за мною не как на бой, а так, передвигающаяся, не думая ни о чем. Да и вообще, вся обстановка совершенно не была известна никому из нас. Была сплошная белая мгла над природою от крупных хлопьев снега.

Вдруг ветер, как то особенно порывисто дохнул с востока, мигом пронес мятедь и оролил перед нами всю местность. И вот, в каких-либо 200 шагах от нас влево/на запад/, по глубокому снегу, напрягая все свои силы, шли две длинные цепи красных на наше село. Меж ними следовали до 2-х десятков саней, видимо пулеметы, и до 2-х десятков конницы.

Как условились - казаки, без команд, быстро повернули каждый своего коня налево и хищно бросились на них с привычным казачьим гиком. Сотня Галкина, так же без команд повернув налево - словно стала хищных шакалов бросилась на заднюю цепь красных и достигла ее первой.

Со своими ординарцами я оказался на правом фланге трех развернутых в редкий разсыпанный строй сотен, несущихся во весь опор на красных. Снег до животов лошадей, но он рыхлый, молодой, мягкий, легко рассекаемый ногами лошадей и мало задерживающий карьер лошади. Эта странная и дикая скачка продолжалась не больше пол-минуты, т.е. что бы карьером проскочить 200 шагов,

разделяющих нас - белых и красных. Для красных это была полная неожиданность. И только отдельные левофланговые красноармейцы успели произвести против нас несколько выстрелов. Казаки быстро врезались в их ряды с криками УРА и солдаты быстро побросали свои винтовки на землю. Их пулеметы на санках еще успели повернуться кругом, что бы открыть огонь, но быстро были окружены казаками. Все конные красные, повернув своих коней - карьером скрылись в снежной вечерней мгле. Казаки занялись "кошельками"... другие сгоняли обезоруженных в одну массу. Их пулеметы расбросанные по полю были еще с их "номерами". Скачу на разгоряченной кобылице и кричу-командую:

"СЕСТЬ КАЗАКАМ ЗА ПУЛЕМЕТЫ!"

Казаки меня поняли. Пулеметы уж в их руках. Но я боюсь резервов красных. Возможно, что это только авангард! У меня, ведь, не сила, а лишь "силенка"!

Кричу в пурге благим матом:

"Хоперские пулеметы вперед!... Стройся к значкам!" Но казаки, как будто не хотят меня понять и "увлеклись" добычей по обмундированию... Потрясаю пашкой в воздухе, скачу между ними и кричу; "Командую: -

"СТРОИСЯ К ЗНАЧКАМ!... К ЗНАЧКАМ-АМ!..."

Наскакиваю на одного дерзкого рябого казака-джигутина 5-й сотни/о нем потом/, который занимался "своеволием" над пленными и кричу ему:

"Скачи к Сотнику Ковалеву, что бы он со своей сотней и с пулеметами как можно скорее скакал-бы сюда!"

Сторожевая сотня Ковалева уж сама подходила к полку и была немедленно же выдвинута вперед.

Все это пролонжалось гораздо короче по времени, чем об этом пишется. Некоторые молодецкие казаки сразу же бросились за удирающими красными конными и санками, и вот - сопровождают еще двое саней с пулеметами. Некоторые казаки уж гнали солдат к нашему селу. Нарядив для этого 4-ю сотню умного и строгого хорунжаго Галкина - выстраиваю остальные сотни подальше от красноармейцев, а 3-ю сотню сотника Ковалева с пулеметами - выдвинул к северу.

Но мы напрасно ждали новых красных сил. Никого кругом не было, только вьюга еще будоражила Белый Свет... Наши пленные, густою толпою и скорым шагом двигались к селу и скрылись в его низине.

Казаки стали подбирать брошенные винтовки на свои пулеметные сани. Я еще не доверял "спокойствию" фронта, почему об, ездил сотни, благодарил за молодецкую атаку и приводил полк в послушный порядок.

Под ноги моей кобылицы, занесенный снегом попался раненый красноармеец. Казак соскочил и повернул его на спину. Передо мною открылось скуластое, темно-желтое лицо монгола. Он беспомощно открыл на меня глаза и вновь закрыл их.

"Господин полковник!... кит-та-ец-ц!" вопросительно воскликнул и пояснил мне казак.

"Докончить!" коротко произнес я и поскакал дальше. Выстрела я не слышал. "Докончил"-ли его казак, или нет - я не знаю. Но эта была "первая жертва" моего личного распоряжения за всю гражданскую войну, что бы убить своего врага. И лишь потому, что он был "китаец". О роли китайцев в красной армии писалось, как об особенно жестоких палачах над белыми. Да и зачем это он, китаец, иностранец, пошел в красную армию? пошел против нас, блюстителей порядка? - думали многие из нас.

После целого месяца сплошных боевых неудач, начиная с Усмань-Собакино - такой неожиданный успех сильно подбодрил казаков полка.

Не видя больше красных сил - полк вошел в село с песнями. Жители удивленно высматривали из окон. У моей квартиры стояли выстроенные в 2 шерен-

ги пленные. Хорунжий Галкин командовал своей сотне и пленным "смирно!"

Я похвально благодарю 4-ю сотню за озорвистую атаку и в особенности их храброго и гордого командира хорунжаго Шуру Галкина - "наполеона". Он был отличный офицер.

Моя кобылица тепло переживает радость всего полка. Она заиндевилась от пурги и снег мягко тает на ее лощеной благородной коже. Испарина идет ото всего ее большого тела и она чувствует себя так, словно пышная молодая женщина, сознающая свою красоту и на которую "нашел безудержный стих любви"...

Спешился. Иду по фронту пленных, всматриваясь в их лица, глаза. Кто они? И вижу - все они самые обыкновенные русские солдаты старой армии. Они провожают меня робкими глазами. Все одеты очень хорошо, почти во все новое - шинели, гимнастерки, сапоги. За плечами у них полные вещевые мешки.

Дойдя до середины строя - остановился и громко произнес:

"ЗДОРОВО РУССКИЕ СОЛДАТЫ!" и сам взял под-козырек.

"ЗДРАВИА ЖЕЛАЕМ ГОСПОДИН ПОЛКОВНИК!" - отчетливо, чисто по пехотному, по старому, ответили они.

Меня это немного смутило: - уж больше они мрлодецы ответили, и ответил - "стали есть глазами начальство"....

Что это? Боязнь? Иль русская простота? Неиспорченность? подумал я.

"Где Ваши комиссары?" спрашиваю их. Все молчат.

"Где комиссары?" уж строго переспрашиваю.

"Они ускакали"... последовал один ответ из задней шеренги.

"Командный состав на 4 шага вперед - МАРШ!" - произношу я в их гуцу. Никто не выходит.

"Где Ваши командиры?" вновь строго спрашиваю.

"Тоже ускакали"... слышу ответ.

"Где тут китайцы?" Отвечают, что китайцев среди них нет.

"А одного раненого мы нашли", упрекаю их.

"То башкирец... мой сельчанин", говорит кто-то из рядов. Я вызываю его вперед.

"Сними шапку!" говорю ему. Он снял. Его лицо было монгольское, как и того раненого, но ничего китайского. И он говорит, что "то его был сельчанин... он при нем был ранен в живот и упал... в то время наскочили казаки и... он так и не видел больше своего друга-сельчанина!..."

Мне было очень больно за свою опрометчивость. Я всегда любил все "восточное, азиатское", и вот, случайностью - приказал лично "добить" именно, одного из них...

Я не стал вызывать того казака, которому приказал закончить жизнь этого несчастному башкирцу... Я боялся его правды, что он "исполнил мой приказ"... В душе же я хотел успокоиться тем, что казак не исполнил моего приказа, т.к. я не слышал выстрела... и раненый, наверху, сам умер после тяжелого ранения в живот... а может быть и выздоровеет... А завтра можно убедиться, проехав на то место...

- . -

Спешенные казаки окружили строй пленных. Я видел "горящие" глаза казаков на добычу. Я этого никогда не любил и недопускал.

"Господа офицеры - ко мне!" Они собрались. "Есть ли потери в сотнях?" спрашиваю их. Все молчат. "У кого есть раненные?" повторяю. Все молчат.

"Да чего же Вы молчите?" строго говорю им, сотнным командирам.

"Да, незнаю... у меня никого нет", отвечает Ковалев. "У меня тоже", вторичному Галкин. Оказалось - полк не понес никаких потерь

"Неужели так никого и нет командного состава среди Вас?" спрашиваю солдатский строй красноармейцев.

"Не бойтесь... Вам никому ничего не будет. Я в последний раз говорю - "Командиры"... 4 шага вперед!"

Вся эта процедура, видимо, дала веру пленным, что перед ними стоят не казаки-опричники, а что то гораздо лучшее.

Перед строй вышло три человека.

"Кто Вы?" спрашиваю старшего с бородой, лет 35-ти.

"Командир батальона... а эти два - ротные командиры... Мы бывшие офицеры... мобилизованные под страхом. Просим нас допросить отдельно от солдат", говорит мне уже тихо батальонный, что бы не слышали солдаты.

Это оказался батальон 82 стрелкового полка 42-й пехотной дивизии 13-красной армии. Численность батальона чуть больше 200 штыков. В нем 2 роты и одна рота пулеметная. Нами были захвачены все 8 пулеметов. Конные среди них - командир полка со штабом и комиссары.

Другой их батальон наступает одновременно, восточнее их верст на 10. Им сказали, что в этом селе стоит только одна конная сотня казаков, почему они и шли, хотя и цепями, но очень уверенно, что бы иметь здесь теплый ночлег. Все это командиром батальона рассказано было нам всем офицерам потом, в моей квартире.

Наступали сумерки. Надо было ликвидировать вопрос о пленных. Приказал командирам сотен выстроить своих казаков против пленных - под их наблюдением "только переменить обмундирование с красноармейцами", не больше...

Это было быстро сделано. Красные командиры стояли тут же и наблюдали это "странное явление", о чем слышали иное...

Казаки принялись за дело с большой охотой. Конечно, казаки износились в своем обмундировании. На их счастье, у красноармейцев, в вещевых мешках был новый запас и белья и совершенно новых гимнастеров и штанов. Одна пара хороших сапог была только на ногах. В мешках запасной обуви не было.

Красноармейцы, эти русские солдаты, видя как с ними хорошо обращаются казаки - сами охотно отдавали казакам то, что находили полезным дать воину действующей армии, говоря: - "Да теперь это нам и не нужно!".

Они были, буд-то рады, что попали в плен и им больше не придется воевать. Я им сказал, что они сегодня же будут отправлены в Касторную и с ними там плохо не поступят.

Казаки буквально обонтились. Пленных числом было столько же, сколько было казаков в полку. Каждый казак получил полный новый комплект обмундирования, не говоря уже о том, что каждый обменял.

Мы удивились отличной экипировкой пленных. В мешках был и хлеб. Их полк недавно прибыл на фронт, почему и был свеж. Казаки, полностью удовлетворенные, уже запросто и мирно разговаривали с красноармейцами.

Скончив "экипировку" - я вошел в свою комнату со своим офицерами, пригласив и пленных командиров. И когда они вошли, сняли свои головные уборы - сомнений не было: перед нами стояли, по выправке, настоящие пехотные русские офицеры. Они были смущены, но уже не робели и хорошим дельным языком докладывали:

"Нас многих старых офицеров мобилизовали в красную армию... Куда-же скроешься? У каждого семья. Есть надо... А не пойдешь - возьмут в ЧЕКА. А что дальше?... всего можно ожидать..."

"Только не думайте, господин полковник, что мы охотно в красной армии! Да и красноармейцы... ведь они тоже мобилизованы. Одно жаль, что Вы плохо поступаете... Наш 2-й батальон такой же численности... и если Вы его атакуете - он так же Вам сдастся, как и мы."

Подойдя к столу, штабс-капитан положил передо мною большой нагрудный знак "красной звезды". Это эмблема батальонного командира, сказал он. Те два офицера были поручики. Все совершенно интеллигентные люди.

Потом пригласили их к столу и угостили чаем. У нас у самих ничего не было.

Уже вечерело. Вернее - уже спустилась темнота ночи. И как не утешительно было все это слушать, но ночевать в одном селе с пленными, числом чуть превышающих нас, было нельзя. Как никак - и пленные, и крестьяне села - все они были местные, т.е. русские, мы же были казаки и пришли в эти края с далекого своего Кавказа. Освобождать, или насадить ненужную им свою власть - мы не знали их мнения на этот вопрос.

Я сказал батальонному командиру, что он сам поведет своих солдат в Касторную, но под небольшим конвоем казаков.

Мы вышли к пленным. Все вышли. "Постройте их", говорю батальонному. Он смело и уверенно подошел к кучкам их и скомандовал - "СТРОИСЯ!" - сам же стал спиной к ним и вытянув руки в стороны - обозначив этим "линию фронта". Красноармейцы быстро вскочили со своих мест и стали строиться. Ротные командиры помогали батальонному.

Пожелав счастливого пути и новой службы правовой России - с пятью казаками-конвоирами, тронул их в Касторную.

- * -

Собрав офицеров, я начертал им план, что мы, к утру, атакуем и 2-й батальон красных, зайдя им в тыл, с севера. С этими мыслями мы готовились к ночи, приказав накормить казаков хорошо и дать им полный отдых.

В полку теперь было 14 пулеметов системы "Максима". Это считалось тогда, что-то "великое" на один полк. Все они были на санях, почему передвигались быстро и бесшумно. Но... этого-то мы и не ждали, что случилось в тылу в этот день...

СДАЧА КАСТОРНОЙ. РЕЗУЛЬТАТ АТАКИ НАШЕЙ....

Было часов 8 вечера и было очень темно и холодно, как из Касторной прискакал ординарец от полка при штабе дивизии с письменным приказанием от генерала Губина, начальника нашей дивизии.

"2-му Хоперскому полку немедленно-же, переменным аллюром, отступить к Касторной. Красные сбили наш фронт, который отступает на юг. С полным, подходя к Касторной - быть очень осторожным, т.к. возможно, оно уже будет занято красными к этому времени. Тогда полку пересечь полотно жел.дор. западнее ее и следовать на присоединение к дивизии, которая сейчас выступает из Касторной на юг в селении Суковнино, отстоящее от Касторной верст на 25". Генерал Губин.

На конверте было "три крестика", что означало - "исключительно спешно". Это было настолько неожиданно, как и настолько-же возмутительно. Одного хватало, что бы 2-й Хоперский полк выступил бы для атаки следующего села с севера и тогда, это приказание, нас не застало бы здесь... Вот тогда бы можно было точно предположить, что 2-й Хоперский полк погиб-бы в полном своем составе.

Главное же теперь - надо как можно скорее уходить из села. Но - я не могу трубачу приказать "трубить тревогу", что бы не нервировать мирно спящих казаков после упорной конной атаки и обильного ужина. Казак поскакал в сторожевое охранение, что бы немедленно же снять всю сотню. По сотням поскакали казаки с приказанием - "быстро строится к отступлению".

Вкратце я сообщил все сотенным командирам. Наш сегодняшний успех привел не только что к "нулю", но если бы не приняли боя - были бы уже в Касторной, спокойно присоединились бы к своей дивизии и безмятежно отступали на юг... Но т.к. полк сделал подвиг, то нам за это, словно в наказание, нужно пройти до Касторной ускоренным аллюром 30 верст, м.б. в самой Касторной наткнуться на победных красных, и дальше - где то догнать свою дивизию.

зию. Перспектива была отвратительная.

Что бы не дать крестьянам понятия, что мы отступаем - полк вышел из села тихо, спокойно и потом - немедленно перешел на ускоренный аллюр - 10 минут рысью и 5 минут шагом. Такой аллюр покрывал 8 верст в один час.

Через три с половиной часа такого марша - Касторная, зловещими своими огоньками мелькала уже близко. Колона казаков в 250 с лишним лошадей и до 20 саней /14 пулеметных, остальные санитарные/, длинной лентой темных фигур, так заметно выделялась и в ночи по снежному ровному полю. Перейдя в аллюр "шагом" - полк подтянулся, что бы компактно встретить всякую неприятную неожиданность. В восточной стороне села что-то горело, но не сильно. Слышались беспорядочные выстрелы, такие, когда в огне, сами стреляют ружейные патроны. Это явление успокаивало нас, в предположении, что белые отступили и сами подожгли что-то. Орудийных разрядов не было. Головная сотня донесла, что в селе нет ни наших ни красных. Не задерживаясь, крайними западными улицами полк миновал село, перешел жел-дор. полотно и устремился на юг обыкновенным переменным аллюром.

Глубоко за полночь полк достиг того села, где остановилась на ночь наша дивизия. Найдя штаб дивизии - вошел в дом.

За большим столом, за самоваром, сидели - генерал Губин, полковник Соколовский и еще кто-то из офицеров штаба, и пили чай из шипящего паром большого самовара.

Я впервые вижу генерала Губина без папахи. У него крупное, слегка мясистое, продолговатое лицо, бритая голова; он в черкеске нараспашку. Соколовский в обыкновенном офицерском кителе, как и раньше, будучи нач. штаба 1-й Конной дивизии генерала Врангеля на Кубани и в Ставрополе.

Пройдя с полком свыше 50-ти верст переменным аллюром без привалов, и в лютый холод - я был слегка голоден, но главное - огорчен всем случившимся.

"Ваше Превосходительство, со 2-м Хоперским полком прибыл", рапортую.

"Очень приятно, полковник... но отчего Вы так долго задержались? Я уже волновался за Вас! Касторная, ведь, могла быть занята в любой час... и я боялся, что Вас отрежут". Сказал генерал и с блюдечка хлебнул горячий чай.

Я стою в положении "смирно" и ожидаю разспросов, или приказание. Но генерал молчит, как молчит всегда мрачный полковник Соколовский.

"Ну, идите, полковник... отдохайте", говорит мне генерал Губин, не предложив мне не только что стакан чаю, но не предложил и сесть, как и не подал руки, так принятой в офицерской среде, в особенности среди высших чинов. Недождавшись вопросов - я перехожу сам в наступление:

"Ваше Превосходительство!.. Вы получили моих пленных?"

"Каких пленных?" - удивленно спрашивает он.

"Конной атакой, я сегодня взял батальон красной пехоты и 8 пулеметов... .. и отправил Вам под конвоем в Касторную. Разве Вы их не видели?"

По пути в Касторную - полк не встретил их на своем пути, почему и думалось, что они достигли Касторной.

"Не-ет... Где-же это, и как было?" удивленно спрашивает он, и уже с интересом, но присесть за стол, все же, не пригласил. Я коротко доложил - как это было, стоя перед их чайным столом "смирно", словно урядник...

Выслушав - вдруг он, как то холодно и недоверчиво, с некоторым раздражением в голосе - произносит:- "Никакого Вашего батальона пленных я не видел... и Вашего донесения об этом не получил. Ну, да у Вас, полковник, ести

ли какое-либо доказательство этому?... что Вы взяли в плен баталион?"

Меня это изумило, а тон, с каким говорил генерал - задело. Не было сомнения теперь у меня, что плененный баталион, возможно, достиг Касторной и остановился в покинутом селе, куда, наверное, ночью уже вошли красные.

"Вещественные доказательства - 8 пулеметов отбитых у красных", докладываю, иль, уже, говорю я, достаточно определенно. А потом, вспомнив, что баталионный подарил мне свой значек - достаю его из кармана, подаю генералу и поясняю - как это было.

Генерал берет значек и рассматривает его со всеми присутствующими и, вдруг, строго спрашивает:

"Вы, конечно, этого баталионного командира и его командиров рот - разстреляли?"

"Нет!... я их отправил вместе с баталионом в Касторную", отвечаю.

"Вы их н е-р а з-с т е-л я-л-л и?... почти шипяще, и наклонившись в мою сторону - негодуя произнес растяжно генерал Губин.

"Все трое бывшие офицеры старой армии... они мобилизованы... и я не считал их преступниками!" - досадливо, но стараясь сдержаться, отвечаю я своему начальнику дивизии в его теплой и уютной квартире за самоваром, где, уже вижу, что мы разговариваем на совершенно разных языках. Все молча слушают наш диалог. Я стою все так же в положении "смирно", накаливаюсь от такой недостойной придирки, а генерал, войдя в роль высшего начальника - уже наставительно говорит:

"И какие-бы они там не были "старые офицеры" - Вы д о л ж н ы /сильное ударение на букву "н"/ были бы их РАЗСТРЕЛЯТЬ!". И, передохнув, добавил:

"Нет, полковник!... я Вами очень недоволен! Это почти преступление с Вашей стороны!... Идите в полк! Завтра мы это еще разберем!"

Этот разговор открыл мне многое... Вон с какими мыслями "они" шли овлаживать Россию от красных: подумал я тогда.

Там тогда и не удивительно, что теперь, за нами, несется проклятие крестьян, а красная армия, руководимая старыми офицерами генерального штаба - опрокинула наши жалкие ряды и гонит нас туда - откуда мы пришли....

Немного о генерале Губине.

Он не казак. В 3-ем Конном корпусе генерала Краснова /будущего Донского Атамана/, когда он наступал на Петроград против большевиков в ноябре 1917 года - Губин был начальником Уссурийской казачьей дивизии. В своих описаниях этого жуткого периода - Краснов отзывался о нем как о слабовольном генерале перед революционной демократией.

В марте 1947 года, будучи офицером Иностранного Легиона Французской Армии и перед демобилизацией находясь в Париже, ища службу по конному делу, узнал, что в одном клубе, генерал Губин дает уроки езды. Я представился ему, прося совета и сообщил - кем я был в прошлом в его дивизии. Высокий и худой старик, совершенно не похожий на того крупного ростом и медлительного в движениях генерала Губина - не узнал меня и не помнит меня. Он был любезен и коротко рассказал о себе. Оказывается, в молодости, он был видный офицер-скаун с препятствиями. Я не напомнил ему о том случае с пленными, который только что описал. "Нужда меняет и закон", говорит русская пословица. К ней нужно добавить - она меняет и людей. Года два тому назад он умер в Париже, как писалось в тамошней газете.

Пять конвоирующих казаков не вернулись в полк. И они, и плененный баталион, безусловно, был захвачен красными. Так гибли казаки на чужине.... Памятное это село Алиса до сих пор, как подвиг, совершенный впустую....

О занятии Касторной, Буденный пишет: - "Касторную заняла 11-я кавалерийская дивизия товарища Матузенко и отдельная кавалерийская бригада Колесова, наступавшая с северо-востока и 4-я кавалерийская дивизия Городовикова /калмыка/, наступавшая с юга".

"К вечеру 15-го ноября / 2-го ноября ст.ст./, Касторная была полностью очищена от белогвардейцев. Тем временем, в Касторную вошли левофланговая части 13-й красной армии, 42-я стрелковая дивизия" /стр.312/.

Нет сомнения, что бои под Касторной происходили долгие и жестокие, о чем пишут красные командиры А.Егоров и Буденный, не отрицая доблести и упорству белых частей. Победитель всегда торжествует, даже и в своей неправде. Так Буденный заканчивает захват Касторной следующими строками -

"В результате Касторненской операции, противник потерял: - 4 бронепоезда, 4 танка, 100 пулеметов, 22 орудия, десятки тысяч снарядов, миллионы ружейных патронов, 1.000 лошадей и около 3.000 солдат и офицеров, сдавших ся в плен".

"Офицерский батальон 2-го Марковского полка, пытавшийся оказать сопротивление - был почти полностью уничтожен" /стр.312 и 313/.

Такому количеству и цифре трофеев, конечно, трудно поверить. Самый захват Касторной - Буденный не описывает, хотя о других боях, вдавался, даже, в детали боя.

Со 2-м Хоперским полком я проходил Касторную ровно в полночь и в ней уже не было белых / и красных / частей, явно, своевременно покинувших село и жел-дор. вокзал; Буденный же пишет, что Касторная была занята вечером 2-го ноября.

Донская же сводка, говорит, что полным хозяином Касторной, Буденный стал с 3-го на 4-е ноября /стр.453, Траг. Каз.:/.

Особенная точность здесь и не нужна, но, Касторная, видимо, оставлена была без боя, в силу других военных обстоятельств.

ПОЛК В АРРЬЕРГАРДЕ ДИВИЗИИ.

Утром следующего дня, генерал Губин убедился в захвате в плен красного батальона по многочисленным пулеметам во 2-м Хоперском полку. Вся дивизия ночевала в одном селе, о чем узнали казаки других полков от самих же офицеров и казаков нашего полка. Ввиду малого количества пулеметов в других полках - генерал Губин приказал оставить у себя только 2 трофейных пулемета, а остальные уступить другим полкам. Протестовать не приходилось.

К вечеру дивизия уходила дальше на юг. Вызвав меня, Губин приказал сменить своими сотнями сторожевое охранение с севера и, когда дивизия вытянется из села - снять 2-й Хоперский полк, выслать его в хвост дивизии, а мне лично - остаться лишь с одними пулеметами на северной окраине села и, если появятся красные, обстрелять их и не ввязываясь в бой - быстро отойти к хвосту дивизии, став ей аррьергардом. Все было выполнено, как приказано.

Наше село лежало западнее полостна жел.дор. Касторная-Новый Оскол, верста на 2-3. В таком же расстоянии на сев-восток, лежало небольшое село, прикрытое с юга гаем соснового леса. Разставив все 8 пулеметов - наблюдаю местность. И вот, из этого леса, неожиданно вышел красный эскадрон до ста лошадей в одношереножном разсыпаном строе и двинулся прямо на юг. За ним, шагах в ста на дистанцию, и таким же строем вышел второй эскадрон... затем третий. Они совершенно не обращали внимание на наше село и широким шагом своих крупных лошадей шли прямо на юг. Пока я наблюдал эту красивую кавалерийскую картину - как из леса показался 4-й эскадрон красных.

Наш пулеметный огонь достать их не мог. Головной эшелон был уж на уровне нашего села. Впереди меня два переката с неширокими балками. И вот, из первого переката, показадась голова конницы, в колонне "по-три". Эта голова скоро скрывается в балке, а за нею, ползучей змеей, тянутся всадники тем-же строем.

"Пулеметы!... Приготовиться!" команду восьми саням с пулеметами, находясь позади них в седле со своим вестовым Тимофеем Сальниковым.

Красные, как будто, задержались в балке, но "красная змея конницы" продолжала тянуться и спускаться в балку. И вдруг, из-за перевала выскочили всадники, но уже в колонне по-шести, как позволяла санная дорога. Блистая шашками, с дерзкими криками, полным карьером они бросились к селу. До них было не больше версты. Цель для пулеметов была отличная темных компактных фигур на фоне белого поля.

"ОГОНЬ!" - громко командовал пулеметчикам, но... пулеметчикихватили своих лошадей в кнуты и 8 саней с пулеметами, легко, как на широкой маслянице - карьером бросились вдоль широкой улицы, - тянувшейся с севера на юг. Мы с Сальниковым последовали за ними тем-же аллюром... Было немного и горько и смешно.

Проскакав село и свернув на юго-запад по дороге - по сплошному снеговому полю, через глубокую балку и следующий за нею высокий перевал, длился версты в три - темною лентою вытянулась наша дивизия, идя спокойным шагом и совершенно не зная, что происходит в ее хвосте. При дивизии были обозы всех полков, санитарные летучки, частные экипажи, санки и вся та тыловая "накипь", которая жметя к строю только в дни отступления. Поэтому, - если в дивизии насчитывалось чуть свыше 1.000 боевых шаек, то всех людей, всех лошадей с пулеметными командами, с батареей, с обозами, с санитарными летучками и с частными экипажами и санками, думаю, было до 2.500. И вся эта масса, в колонне по-три, и в одну упряжку - вытянулась по единственной дороге меж сугробами непроходимаго снега. Всю эту безпомощную кишку замыкал 2-й Хоперский полк.

Кое-как разсыпав свои малочисленные сотни в лаву и собрав пулеметы - я ждал жуткой минуты, когда конная масса красных вот-вот покажется из села и, своею силою, своим сокрушающим ударом, обрушится на хвост безпомощной колонны...

"Попробуйте теперь бежать!"... рычу я на своих пулеметчиков, потрясая шашкой.

Дивизия, как не шла тихо, все же двигалась вперед, очищая дорогу 2му Хоперскому полку. Несколько конных человек быстро выскочили из дворов села, лежащих вне нашего шляха и бросились в нашу сторону.

"ПРИГОТОВИТЬСЯ!" - кричу я пулеметчикам.

"Да это наши!... это наши "волки"! - кричит мне кто-то. И действительно: - я ясно вижу черный сотенный значек "волков" с волчьим хвостом на нем. Но тут-же, из-за угла построек, появилась густая голова конницы красных. Появилась и... остановилась. Одиночные всадники красных бросились за удирающими казаками - "волками". Значковый "волк" скакал, как-то безпомощно, с болтавшимся своим значком за спиною на бушлате, словно он ему мешал. На него наскочили два красных всадника и "за шиворот" - схватили его живьем. Остальные волки скакали по сугробам и прискакали в наши ряды. Красные, почему-то, медлили в преследовании. Хвост дивизии, перейдя балку - поднимался по склону. За ними последовали и Хоперцы. Красные, накопившись в селе, бросились вслед за нами. Быстро разставив пулеметы ярусами по склону - команду сотням: - "В ЛАВУ!" но... никто не хочет сворачивать с дороги и лезть в глубокий снег.

"Господа офицеры - ЗА МНОЮ!" - кричу в массу и сам бросаюсь с дороги, утопая в снегу по живот своей высокой кобылицы. Все офицеры и несколько десятков казаков бросились по обе стороны дороги, обозначив жидкий строй лавы. Пулеметы немедленно же открыли огонь. Красные остановились.

Поле боя небывшего боя стихло. Наступали сумерки. Хвост дивизии, перевалив бугор, утонул в следующей балке. Свернув свою жидкую лаву - двинулся вслед. На самой вершине переката, уже в полной темноте ночи, вижу компактную группу спешенных казаков человек в 50. При них большой флаг и 3 сотенных значка. Кто это? думаю, приближаясь к ним. И совершенно искренне громко спрашиваю:

"Какого полка?" Казаки молчат.

"Какой полк?" громко повторяю, как это принято на походе, встречая неизвестную часть.

"2-го Хоперского"... слышу несмелый голос в ответ. Я вначале не понял этого ответа, почему и оглянулся "на свой полк", идущий за мною. И только сейчас я обнаружил, что возле меня нет нашего полкового флага. И казаков позади меня было немного. Остановившись - строго спрашиваю:

"Вы Хоперцы?"

"Так точно"... отвечают смущенно.

"Здорово 2-й Хоперский полк?" - обращаюсь к ним ехидно.

"Здравия желаем"... глухо, стыдливо, промывали они.

"Вы почему здесь?... Почему Вы не в своих сотнях?... Кто Вам позволил бросить ряды своего полка?"... бросаю им громко. "А ты, значковый - почему ты не с командиром полка? - принизываю всех.

Все они стоят, понуро опустив головы. Все они отлично понимают, что я говорю им жуткую правду, на которую нет ни ответа, ни оправдания. А позади меня стоят все пять командиров сотен и остатки полка. Стоят и слушают все эти горькие упрёки, слушают и самодовольно улыбаются, отчего, этим "дезертира́м боя" становится еще стыднее.

Выругав, пристыдив - повернулся к тем, кто стоял позади меня, кто оставался со мною рядом во все жуткие часы этого дня - я громко, что бы слышали и "беглецы", произнес:

"СПАСИБО ВАМ, БРАТЦЫ, ЗА ПОСЛУШАНИЕ!"

За бой я не благодарил, т.к. фактически, его не было. Мне было важно подчеркнуть их послушание в бою, за который, безусловно, и успех всякого дела.

"РАДЫ СТАРАТЬСЯ, ГОСПОДИН ПОЛКОВНИК!" - весело произнесли в ночной зимней тишине остатки моего полка, не насчитывающие в своих рядах и ста шаек.

"А теперь Вы - марш по своим сотням!... и не хочу на Вас смотреть сегодня!" - скомандовал им и двинулся вперед, за дивизией, которая скрылась из наших глаз где то в ночной мгле.

Ругал и стыдил казаков, но сам отлично понимал их чувство. По нашей малочисленности, по слабости нашего конского состава - мы уже не могли дать конного боя. Чувство самосохранения всегда играет главную роль в жизни каждого человека, везде и всегда. Теперь заполнило оно и души храбрых казаков. Но - всякий начальник, должен бороться с этим. И я боролся.

В глухую полночь, дивизия достигла села, кажется, Горчечного и расположилась на ночь. Началась борьба за Старый Оскол.

ГИБЕЛЬ ПОЛКОВНИКА ЮРИЯ АССИЕРА.

Бывший кадет с мятушейся душой - он прошел трех-годовой курс Оренбургского казачьего училища и произведен в офицеры в июле 1914г. Войну провел в Партизанском отряде Есаула А.Г. Шкура, командуя сотней в его дивизионе, вместе со своим сверстником по училищу, под есауло Яковом Прощенко.

В Оренбургском училище, очень была сильно развита дружба среди юнкеров по Войскам. Вместе с тем - все жили очень дружно и в своей жизни-службе и учении, по Войскам уж не делились. Кубанцы-юнкера, по своей численности, были на 2-м месте, но по своему удельному весу в казачьем фольклоре - песни и казачьи танцы - ярко выделялись. Популярность юнкера-кубанца среди

-кой-

своих определялось наездничеством, гимнастикой на снарядах, казачьими хоро-выми песнями, танцами лезгинки и казачья, глубоким Войсковым товариществом. В общем - природным казачьим молодечеством, но - отнюдь высокими балла-ми в науках, а тем более "зубрежкой".

Его фамилия - французское. "Ассиер", значит - сталь. Несмотря на это, он принадлежал к культурному классу Кубанских казаков. Когда и как они стали Кубанскими казаками - мне не известно. Но его родная тетя была начальни-Кубанского Мариинского института благородных девиц, а двоюродный дядька - был командиром 2-го Екатеринодарского полка.

Высокий, сухой, светлый блондин с мелкими чертами лица - он был до моз-га костей военным.

По выпуску из училища - он был годом младше меня, т.е. мы вместе были юнкерами, в далеком от Кубани Оренбурге, два года. Я был взводным портупей-юнкером и с чертами того кубанца-юнкера, как описано выше. Юра Ассиер был влюблен в меня, как казак и я ему отвечал тем же.

Окончив училище - он женился на своей родственнице-институтке, дочери Есаула в отставке Крыжановского, бывшего в 1910-м году командира 4-й сот-ни 1-го Екатеринодарского полка, у которого и жил, будучи сиротой, в их соб-ственном барском доме на Медведовской улице. Пишу такие подробности для Кубанских казаков.

После нашего производства в офицеры - я виделся с ним только 2-3 раза и мимолетно. И вот теперь, под Старым Осколом - мы остановились в одной крестьянской хате. Он командир 1-го Хоперского полка, а я 2-го Хоперского.

Он старый и преданный "шкуринец" и носит "волчью папаху". Нашим любя-но-казачьим разговорам обо всем, начиная с Оренбурга - нет конца. И вдруг - его полк вызывают спешно на юго-восток от нашего села, куда прорвалась конница Буденного и где ведет бой Волчий дивизион.

Прошло немного времени, как в тот же день, в нашу квартиру привозят тя-желю раненого Юру. Я выскакиваю из хаты, остро взглядываюсь в его лицо, же-лая определить степень ранения. Казаки, на носилках, осторожно вносят его в нашу избу. При нем его полковой врач.

"Что, Юра?" - любовно, братски, спрашиваю его.

"Да, вот, ранен в спину... ногам, что-то, холодно... и почти не слушают они меня", говорит он тихо, но внятно.

"Ну, Юра, теперь отдохнешь", успокаиваю я его. "Поедешь в Екатеринодар к своей Надюше/это молоденькая стройная и высокая ростом жена его, природ-ная Кубанская казачка, бывшая институтка, с которой я хорошо был знаком/.

"А нам-то тут не сладко", добавил я, для его успокоения. Он улыбается мне довольною улыбкою, понимая всю правду моих слов и предвкушая сладость отдыха в Екатеринодаре, который он так любил.

Переночевали вместе. На утро его эвакуируют. Состояние здоровья то-же. Он плохо спал. Жаловался все, что его ногам холодно и они его почти не слу-шают.

Напутствовал его добрыми пожеланиями и поцеловал в губы - мне стало, почему то, очень грустно. Прошло дня 2-3, и вдруг, пришло известие, что он умер в дороге, не достигнув своего любимого Екатеринодара и дорогой встре-че с женой.

Оказывается - он был ранен в позвонок. Ранен смертельно, но полковой врач все это скрыл ото всех. Я загрустил, лишившись дивного друга-офицера. А потом непольно вспомнил, как один офицер-"гадалка" в Екатеринодаре, пре-дупреждал меня не ехать на фронт, т.к. - буду убит в бою... Когда? Да не все-ли равно! Нас преследовали по пятам и смерть витала над каждым из нас ежедневно.

Тело Полковника Юры Ассиера было доставлено в Екатеринодар. По слухам, посмертно, он был произведен в генералы. Утешение-ли это для молодой нес-частной вдовы?! Вдовой - она проживала в Югославии. Где она теперь?

Вр.командиром 1-го Хоперского полка назначен был под,есаул Лакуза,казак Сибирского казачьяго Войска,служивший тогда в полку.Бывший студент,стройный блондин в кубанской черкеске-шубе,в пенсне,хорошо воспитанный и светски и воински - он производил очень хорошее впечатление.Составляя Хоперскую бригаду - мы с ним жили дружно.

В этом неудачном бою,храбрый Волчий дивизион,потерял свою единственную пушку.

Старый Оскол был сдан красным 8-го ноября.Под ним случилось несчастье и в нашем полку: - без вести пропал заведывающий хозяйством по доставк главным образом,фуража полку,есаул Краморов,его родной брат-студент и поручик-пулеметчик/фамилия забыта/ из Ставрополя и весь санной обоз с фуражем.

Давно эвакуировались по болезни хорунжий-осетин 1-й сотни и командир 2-й сотни молодецкий хорунжий Борищенко.

Под селом Избище ранен командир 1-й сотни подпоручик Стаськов и эвакуирован.Всего в полку осталось 10 офицеров,считая и командира полка,из коих было - два сотника,два хорунжих,а остальные поручики и подпоручики, два из них из Ставрополя а три из Воронежа.Приблизительно так обстоял офицерский вопрос и в остальных полках дивизии.Полки заметно таяли.Пополнения никакого из Войска,даже и офицерским составом.Тыл губил фронт. И "герои" появились только за-границей....

ХОПЕРЦЫ И КАВАЛЕРИСТЫ КНЯЗЯ ГАГАРИНА.

От с.Избище - полк был послан куда-то на запад,где находился полуконный кавалерийский полк полковника князя Гагарина.Об этом полку мы слышим впервые.Представившись почтенному князю-полковнику с длинной седой бородой - отошел к своим казакам.

Было очень холодно,морозно и снежно,Стоим в какой-то бугорчатой местности.Казаки курят,топчатыся на месте,от холода забавляются разными движениями.Чего мы стоим? Кого ждем? - мы незнаем.

"Господин полковник... разрешите казакам потанцевать под гармошку?.. Уж очень холодно!.." спрашивает меня командир 3-ей сотни сотни Ковалев,бешевец.Конечно,разрешаю и подхожу к казачьему кругу собравшихся,что бы ближе рассмотреть своих "хопров" в быту.

Обветренные холодом сизые лица.Редко кто бритый,хотя - все молодые.Лица свежие,хорошо кормленные.Вид не забитый,даже смелый.Но я уже видел, что дай волю некоторым - они могут быть и дерзки.Хоперцы живут меж горцев и от них многое восприняли,насчет "карапчить" и др.отрицательныя замашки в европейском понятии,но в понятии горца и казака - только похвальныя,как молодечества всякаго джигита.

Все они в шубах в талию,иль в шубах-черкесках.Все при шашках и винтовках.Через грудь - патронташи.Не у всех кинжалы; - да они и не нужны были, даже,и в 1-й Великой войне,как показал долгий опыт.А теперь,на овчинную шубу в талию - они и ненужны.Иное дело на черкеску,да в своей станице, да пойти на-люди,иль к теще.Все в папах.Башлыки иль за плечами,иль на плечах,иль подвязана шея.В общем - воинский вид хороший,а в суровый холод - и вид суровый.

Хоперцы танцуют отлично лезгинку.Она у них является главным казачьим танцем.Танцуют ее они хорошо,стильно,чисто по-горски,от которых не только что переняли,но считают ее "своим танцем".

Развернулась "двухрядка" и когда я подошел - лезгинку танцевал стройный казак в полушубке овчинном до колен,сшитый в талию как бешмет.Он в полном вооружении,даже с винтовкой за плечами.Не передавать же винтовку

соседу на время танца! Это, просто, стыдно и недостойно война. А тот нарочно, передаст другому... вот и ищи тогда свое оружие!

Танцующий при револьвере. На нем дорогой ингушский пояс. А по овчинной шубе, тянется к револьверу осетинский шнур ручной работы женщины, плетеный черными шелковыми нитками и золотом. Видно было, что этот казак особенный молодец, любит оружие и понимает толк в нем. По утопаному снегу, хотя он и в сапогах - но танцует стильно. Увидев меня - он смутился, но продолжал танцевать.

"Это немой казак", говорит мне Ковалев, указывая на танцующего /"немой" т.е. и не говорящий и ничего не слышащий/.

"Почему же он на фронте? Ведь он не подлежащий мобилизации!" спрашиваю Ковалева.

"А он добровольно здесь!... во 1-х он ненавидит большевиков, а во 2-х он хороший хозяин и приобретенное, посылает жене"... говорит и весело улыбается Ковалев. А его понял...

Немой танцует хорошо и, главное, не слыша звука гармонии - такт не теряет в танце. Увидев меня, он смутился и хотел бросить танцевать, но казаки знаками с ним говорят: - "Танцуй еще!... сам командир пришел посмотреть на тебя!" и он скромно протанцевал еще, и очень стильно.

"Как же он может держать такт в танце, если он не слышит?" спрашиваю казаков.

"А он, господин полковник, часто поглядывает на гармошку и глазами запоминает такт", отвечают они.

Потанцевали еще некоторые, но хуже немого и остановились.

"Запойте что-нибудь, хлопцы", говорю им. "Ну, вот эту: - "Жили-были на Кубани", добавляю я. Казаки улыбнулись и запели свою новую песню Хоперцев, составленную кем-то о терроре красных над ними после восстания в 1918г. Она пелась ими очень душевно, с переживаниями, и на мотив старой песни Липнейных казаков - "Русский Белый Царь желает, да гордых турок наказать".

Содержание песни было очень трогательное и очень подходило к этому бурливо-жалобному напеву. Вот она:

Ой, жили-были на Кубани,
Да добры люди, казаки./это затягивал запевало/
Прилетели, тай насели,
Те злодеи, мужики... /подхватывал хор/
Ой, с ними жили, проживали,
В проходящие года,
Чем-же можно, поделались,
Поделались завсегда.
Но, боса-сила взбунтовалась,
Тай собралась в отряд,
Их собралось не-мало,
Тай назначили поход...
Их собралось не-мало,
Тай назначили поход,
Балахон с своим отрядом,
Наступает по реке.

Слов дальнейших забыл, но песня кончается тем, что казаки были разбиты, многие были арестованы и казнены, что выражено словами -

"Они били и рубили -

"Всех невинных казаков"...

По их словам - Балахон был подпрапорщик одного из пехотных полков и из крестьян Вужорской станицы Майкопского отдела. Когда его выбили оттуда - он прошел с отрядом в Баталпашинский Отдел и там террорезировал население, главным образом, казачье.

Поющих казаков окружили кавалеристы князя Гагарина и с большим интересом рассматривают их.

Этот полк был составлен из интеллигенции, больше из студентов Воронежской губернии, уже при отступлении. Полковник князь Гагарин был начальником одного из уездов этой губернии и теперь отходил вместе с нами. Солдат и офицеров, как и лошадей, было оч. мало. Да и людей то было, может быть, на один эскадрон мирного времени, но тогда было принято части обозначать довольно громкими названиями. В переходах они "менялись", т.е. конные уступали пешим своих коней, и дав передохнуть пешим - вновь садились на них. Конечно, такой полк мало был боеспособный.

Все они одеты в шинели, в фуражки. Некоторые студенты и ученики старших классов средне-учебных заведений - в своих форменных фуражках. Несомненно, они были неопытны в военном деле, может быть впервые видят казаков, да еще кубанских в их доподлинности, еще и боевой - почему с интересом и, как-то, наивно вглядываются в суровые лица хоперцев. Мне их было жалко. И когда тронулись полки, куда-то на юг - они, вперемежку со своими конными - запели кавалерийскую песню "журавель". В их юношеских голосах - она была далека от воинственности.

В своих воспоминаниях, на стр. 319, Буденный пишет: - "В бою с 6-й кавалерийской дивизией, был уничтожен Сводно-кавалерийский полк полковника князя Гагарина. Убит был и сам Гагарин". Насколько это верно - неизвестно. Печать белых, об этом, ничего не говорит.

А ВОТ ШКУРИНЦЫ-ВОЛКИ....

Дивизия стоит в каком-то селе. Издали раздается голосистая песня. Все невольно выскочили на улицу. Из-за угла показался конный строй. Впереди человек 30 песенников. Ими управляет плетью солидный подхорунжий с бородой, явно, упиваясь сам, и песней и своим генералом Шкуро. Они поют так любимую песню на Кубани - "По-над лесиком, ой-да шлях-дороженька".... И переиначив слова - подхорунжий затягивает:

"Ой-да попереди, сам Шкуро молодой".... И хор мощно витиевато, подхватил:

"Гэ-э-э-э-эй! Сам Шкуро молодой,
На конике сидит, выхилиется,
Выхилиется,
Своим войском выхваляется...."

Слушая их и видя такой бодрый и молодецкий вид "волков", на хороших лошадях, тепло одетых - радовалось сердце. Казаки, безусловно, любили Шкуро. И нам казалось, что это есть наши временные неудачи. Счастлив кто верует...

МАМАНТОВ, ШКУРО, ШИФНЕР-МАРКЕВИЧ.

Где это было? И когда? Ежедневные стычки с красными, переходы, какие-то ответвления в стороны от главной жел. дор. магистрали Кастрная-Валуйки, бесконечный ряд сел, так близко лежащих одно от другого, потеря всех документов-донесений - не дают возможности установить - где, именно, это было?

Наша дивизия отходила, вместе с Донскими, на юг вдоль этой дороги, западнее ее и параллельно ей, рядом. Полки шли шагом, почти безпечно. Кто-то цокотом копыт по твердой обледенелой дороге обгонял меня, идущего впереди полка; и когда я повернул голову, что бы посмотреть - кто это? - то увидел, вначале, пышные, с бакенбардами, русые усы всадника, а потом уж весь его конный облик. Я сразу же узнал во всаднике генерала Мамантова.

В длинной кавалерийской шинели военного времени; своими полами она глубоко спускается до самых стремян всадника; шинель совершенно гладкая; на ней никаких походных ремней; на левом боку висит только одна легкая пашка; на голове мягкая фуражка защитного цвета; под ним легкий поджарый "дончак", почему-то, гнедой масти; и не высокий; может-быть два с половиной вершка, но не выше трех вершков росту; конь идеал короткой иноходью; все у Мамантова "легкое", - и конь, и посадка в седле, и походный мундир. Природный кавалерист. За ним, рысцой на крупном рыжем донском коне, следует его конный вестовой. При Мамантове: ни адъютанта, ни начальника штаба, ни ординарцев. Никакой внешней помпы. Все это вместе взятое - только украшало в моих глазах, Донского Героя, признанного таковыми красными.

"Пленные показали, что возвращение в ряды своего корпуса генерал Мамантова - приподняло настроение казаков и дало им некоторый импульс для продолжения борьбы", пишет красный командующий А. Егоров в своей книге на стр 197.

Неослабевающим наблюдением проводил я его до тех пор, пока он не скрылся в длинной колонне казаков. Больше я его не видел. Это была первая и единственная встреча с ним.

— • —

В 10-х числах ноября, 1-я Кавказская казачья дивизия сосредоточилась в селении Ольшанка, или Волоконовка/точно не помню/, севернее Валуйки. Здесь произошло некоторое перемещение старших начальников и переформирование полков. Сюда, из Екатеринодара, вернулся нач. штаба Шкуро, генерального штаба генерал-майор Шифнер-Маркевич. Следствием этого было: - генералы Шкуро и Губин немедленно же выехали в Екатеринодар, а в командование дивизией вступил Шифнер-Маркевич.

Генерал Шкуро, уезжая на Кубань, издал широковешательный приказ по корпусу, что: - "Ввиду грозных событий - он спешно выезжает на Кубань, что-бы поднять там ОБЩЕ-КАЗАЧИЙ СПОЛОХ".

Идея этого сполоха не указана, и нам, командирам полков, ничего не было известно - чем вызван такой спешный выезд Шкуро на Кубань? Одно нас возмутило, что он взял с собой в вагоны свой Волчий дивизион, сила которого была равна любому полку дивизии, что-то около 250 казаков со многими пулеметами. Нам показалось, что Шкуро выехал со своими "волками" на Кубань "не спроста".

— • —

Появление генерала Шифнер-Маркевича восторженно приветствовалось всеми в дивизии. Все говорили о нем как о храбром и умном генерале и добром человеке.

Я его совершенно не знал и не видел ни разу. Верхом, он проехал по полкам, выстроенным в конном строю за селом.

Небольшого роста, чистенький, гладко выбритый, пухленький, как будто "нежный" на вид - он произвел на меня, что-то игрушечное. Лицо его было нежно и совсем не боевое, "окуренное в боях", как принято говорить. Ему было 35-40 лет, не больше.

Поздоровавшись с полками - он произнес: - "В тылу, на Кубани - раздавлена крамола! Власть перешла в руки военных! И теперь, на фронте, будет лучше."

Какая крамола? Где? У кого? - этого он не сказал казакам и мы были в полном неведении. И лишь потом только мы узнали, что было арестовано несколько членов Кубанской Краевой Рады и один из них, священник Кулабухов повешен.

Ничего не зная, по его предложению прокричать "ура" этому событию - казак, ничего не понимая, лениво прокричал короткое "ура", а кому и почему? - не знали, даже и мы, командиры полков. А то, что "на фронте будет лучше после этого" - мы мало поверили. Нам-то здесь было гораздо виднее!

Первым приказом генерала Шифнер-Маркевича по дивизии, было: - "Ввиду малочисленности полкового состава, бригады сворачиваются в Сводные полки. 1-й и 2-й Хоперские полки образуют Сводно-Хоперский полк, под командой полковника Елисеева Феодора, а 1-й и 2-й Кубанские партизанские конные полки сводятся в Сводно-Партизанский конный полк под командованием полковника Соломахина Михаила. Отдельные функции по полкам отправляются только в хозяйственном отношении".

Свернувшись в два Сводных полка - дивизия имела около 600 пашек. При Сводно-Хоперском полку было, что-то, до 16 пулеметов. Полк был разбит на шесть сотен. 1-й дивизион составляли казаки 1-го Хоперского полка, т.е. 1-ю, 2-ю и 3-ю сотни, а казаки 2-го Хоперского полка - составляли 2-й дивизион - 4-ю, 5-ю и 6-ю сотни.

Полки стали достаточно сильными, но численность всей дивизии - осталась та-же..

НОВОЕ МОЛОДЕЦКОЕ ДЕЛО ХОПЕРЦЕВ.

В группе сел севернее Валуйки, вдоль полотна ж.д. наша дивизия держала фронт, чередуясь полками. Был конец ноября. Пехота красных, тесня нас, занимала одно село за другим. Села здесь были частые. Последние два села, занятые каждой стороной, разделял пустырь в 500-800 шагов. По улицам нашего села нельзя было показаться, даже, и пешком. Обстрел села был нудный, но постоянный и нервировал казаков. Присутствие Шифнер-Маркевича ободряло казаков и вносило успокоение. Генерал был всегда спокоен, но при встречах с кем-быто ни было - был очень разговорчив. Ежедневно приглашал нас, командиров полков в свой штаб, угощал чаем и любил шутить. В нем совершенно не чувствовался тип того старого начальника, перед которым надо "тянуться".

С полковником Соломахиным они были старые Шкуринцы, оба носили вощеные папахи; Соломахина он называл "Миша и ты", а тот его - "Ваше Превосходительство. Меня он называл по фамилии, как совершенно неведомо ему.

Он знал в лицо, и по фамилиям, почти всех офицеров-шкуринцев, первых молодецких боевых дел Шкуро и, встречая их, подавал "руку" запросто. А они, с почтительно радостною улыбкою, только прищелкивали своими сапогами и сами первыми произносили - "Здравия желаю Ваше Превосходительство!"

Знал он и некоторых казаков. Казаки "не пугались" от него, а старались попасться ему на глаза и первыми произносили приветствие - "Здравия желаю" и пр.

Здесь ближе я познакомился со своим старым Майнопским техником, теперь командиром Сводно-Партизанского полка, полковником М.К. Соломахиным. Он был отличный боевой офицер.

И вот, при таких внутренних взаимоотношениях трех лиц, на которых лежала боевая сила дивизии - мы находились тогда под методичным давлением пехоты красных.

— • —

Было очень снежно и холодно. Морозы сновали снег. Ночи были ясные и особенно холодные. Дивизия, буквально, висела на волоске в своем селе. И неоцененную услугу нам давали бронедоезда Добровольческой армии, в состав которой входила наша дивизия.

В одну из ночей, мы ждали очередного наступления красных. В охранении, в полном своем составе, стояла 1-я сотня под командой есаула /фамилию не помню, но он был житель села Ивановка Баталпашинского Отдея, старый шкуринец, приписанный в казаки/. Ровно в полночь, от холода и скуки, он решил захватить окраину села противника, что бы там согреться, а м.б. и покушать горячаго - как он потом доложил мне. Успех вышел неожиданный. Он занял окраину и донес мне, что при поддержке - можно занять и все село.

Со Сводно-Хоперским полком, в конном строю, я поспешил к нему на помощь. Красные, не ожидая казаков, мирно спали в своих теплых хатах. При нашем приближении, сторожевая сотня, в конном строю, бросилась по единственной улице села с диким гиком и со стрельбой вверх, словно на свадьбе, и нагнала такой страх на красных, что они, выскакивая из квартир - сдавались без боя.

За селом была захвачена рота с двумя пулеметами, стремившаяся остановить казаков. И пока на мое донесение прибыл генерал Шифнер-Маркевич и полковник Соломахин со своим Партизанским полком - Сводно-Хоперский полк уже согнал всех пленных вместе с 6-ю пулеметами. То оказался батальон около 400 человек, занимавший это село. Конница бавалибна и 2 пулемета успели ускорить в следующее село, отстоявшее в 2-х верстах.

Шифнер-Маркевич, пешком обходит пленных, всматривается в их лица, спрашивает - какой части? где другие части? кто командует? много ли у красных пушек, пулеметов? Он на месте творил живое дело, думал и решал. И все сам, один, во все внимающий и никого не ругающий, а только распоряжается, как хороший хозяин, который должен знать - что у него происходит в хозяйстве.

Красноармейцы трясутся от холода и страха, но он и их ободрил, сказав, - "вы русские солдаты и вам ничего не будет".

Полки горели желанием двигаться дальше, но он сказал, что это не входит в задачу дивизии. К тому же, нас мало, а красные там могут нас встретить уж как следует, потому, надо занять прочно только это село.

Одиночные казаки-хоперцы, увлекшись преследованием - ворвались в след. село, но были отражены огнем красных и оставили там упавшего с коня казака - убитого или раненого - они не знают. Убитый казак был 2-го Хоперского полка. Шифнер-Маркевич приказал вырвать тело, именно, трем сотням 2-го Хоперского полка, но не иному полку.

Глубокий снег, покрытый мерзлой корой, не позволял сотням двигаться без дорог. Основная же дорога лежала по пролеску. По ней, меж темными кустарниками, сотни тихо подошли к селу без дозоров. Остановив сотни, рассказал, что надо сразу броситься с криками ура вдоль по улице, и со стрельбой вверх, что бы навести панику. Головной сотне проскочить все село, ежели возможно, и немедленно же вернуться назад, пока мы разыщем раненого или убитого своего казака. И... по селу вновь затрещали и выстрелы и дикий "гик-ура" всегда удалых хоперцев. Красные, видимо, этого и ждали, иль здесь уже не было их пехоты, т.к. конная группа с окраины села - молнией метнулась вдоль улицы на север и скрылась в неизвестности.

Застывшее тело убитого хоперца лежало у околицы. С дорогой ношей поперек седла, сотни представились своему генералу, выполнив его задчу, как он сказал: - "тело своего товарища надо вырвать своими же".

Хопров поздравляет с удачей. Полковник-же Соломахин, мило улыбаясь проходя меж рядов - повторял:

"Вот тебе и Хоперчик!... Поддержали былую славу полка! Молодцы! Право молодцы! Теперь очередь за Партизанами!" добавляя. И в этих добрых словах, нисколько не было доли зависти, а было только добросердечное восхищение молодецким порывом своих родных Хоперцев, которых он, конечно, забыть не мог. Он был кадровым офицером 1-го Хоперского полка с 1911 по 1918-й годы. На Турецком фронте, командуя сотней, в конной атаке на пехоту храбрых турок под Месопотамией - он проявил доблесть и награжден был Орденом Св. Георгия 4-й степени. Полком тогда командовал ген. штаба полковник Успенский будущий Войсковой Атаман конца 1919г. Все это История, История родного Войска, История Славная, о которой надо писать. Писать, читать и знать.

А П О Ф Е О З .

Когда определился отход белых армий - главнокомандующий генерал Деникин, для поощрения, издал приказ - оповещать в периодической печати совершенные подвиги частями и их начальниками, с указанием имен. Прочитав это, мы нашли, что подобное поощрение вышло с большим запозданием и не обратили на него внимание, даже, отнеслись критически. Благородный-же генерал Шифнер-Маркевич, на это посмотрел иначе, и отметил последний боевой подвиг Сводно-Хоперского полка. О нем мне пришлось прочитать в одной из газет лишь в самых первых числах февраля месяца 1920 года, в своей станице, проездом из Невинномысской, направляясь во 2-й Кубанский конный корпус к Манчу Ставропольской губернии, по вызову генерала Науменко.

Из участников этих двух оригинальных боев 2-го Хоперского полка - в живых, за границей, остался хорунжий Галкин Александр Семенович, на-зак станицы Баталпащинской. По некоторым драматическим обстоятельствам, совершенно его не унижающим, он вынужден был переменить свое имя. В 1925 году, он вступил в нашу группу джигитов во Франции. Много лет он джигитовал и в других группах. После 2-й мировой войны, мы вновь вместе работали с ним в группе джигитов донцов и кубанцев в Голландии и Швейцарии в 1947-м и в 48-м годах.

Женившись на голландке из хорошей семьи - в настоящее время он проживает постоянно с семьей в Голландии, под фамилией "Корсов Николай Петрович". Только под этой фамилией его знают все джигиты, не зная прошлой.

Кто заинтересован справками об этих боях - могу дать его адрес.

Nicholas Korsoff, Adelheid str.44, Den-Haag, Holland.

1-я Кавказская казачья дивизия, потом, простояла спокойно еще несколько дней в этих селах. Общий фронт отходил назад и никакие частные успехи уж не могли остановить общий отход. Красное командование, Конным корпусом Буденного, "р-зало" нас в стыке Добровольческой и Донской армий. Ему нужно было противопоставить наши силы, именно, в этом районе. Мы тогда не видели "несокрушимой силы красных" перед собою. Наш отход считали временным. Мы ждали подходящие резервы войск. Но их не оказалось....

Написано в марте и апреле
1941-го года в Индокитае,
- сокращенно издано в сентяб-
ре 1961 года, в Нью-Йорке.

Полковник Елисеев.

Примечание:

"Один офицер из Калифорнии пишет, что под Касторной погиб его командир Марковского полка, полковник Образков, который, с двумя ординарцами кинулся восстановить положение, т.к. казаки начали отступать; в прорыве между полками, он и его ординарцы, были зарублены красной конницей".

Какого полка и Войска казаки были - он не пишет. Здесь важно отметить трагический факт. Ф.Е.